

Юха примостился в сторонке и тихонько заскулил:

— Хозяин, я даже прослезился.

Гу Нань дернул щекой и протянул руку, чтобы прижать к себе хвостатого Юху, который никак не мог уgomониться.

Ли Лоунань по-прежнему смотрел на Гу Наня мягким взглядом. Встретившись с ним глазами, Гу Нань почувствовал, как начинает ныть голова.

— Дело не в этом, — Гу Нань был готов разрыдаться. — Про первый раз... мы ведь договорились начать всё сначала, но этот второй... я правда не давал на это согласия.

Ли Лоунань промолчал.

Гу Нань откинул одеяло и указал на свои ноги, плотно обмотанные бинтами:

— Сам посмотри, если бы я хотел этого добровольно, разве был бы я в таком жалком состоянии?

Ли Лоунань прищурился. Заметив, что это сработало, Гу Нань выложил всё как есть о Сяо Ци и Цин Яне, попутно приукрасив историю о том, как он, движимый желанием вернуться, из последних сил пытался сбежать.

Выслушав его, Ли Лоунань на мгновение замолчал, а затем на его лице медленно расплылась жутковатая улыбка:

— Значит, это был Цин Ян... Ну и прыткий же он. Впрочем, неважно, больше у него такой возможности не будет.

Гу Нань съежился и робко поднял правую руку:

— Тогда, может, снимешь с меня эту штуку?

— Нельзя, — Ли Лоунань перехватил его ладонь. — Считай это маленьким развлечением, не так уж и плохо.

Гу Нань: «...»

— На самом деле, когда я привел тебя в первый раз, мне уже тогда хотелось так поступить, — Ли Лоунань облизнул губы, и в его облике промелькнуло нечто пугающе соблазнительное. — Сейчас ты еще ранен, но когда поправишься...

Его взгляд, обжигающий, словно пламя, прошелся по всему телу Гу Наня, и смысл сказанного стал очевиден без слов.

Гу Нань с каменным лицом отвернулся. Он не понимал, почему только что это была драма, а теперь всё превратилось в какой-то разврат.

Юха вильнул хвостом:

— Хозяин, можешь заглянуть в свой врожденный навык.

Гу Нань: «...»

Так начались счастливые (и до безумия порочные) будни Гу Наня в золотой клетке. Поначалу он даже находил такую жизнь неплохой, но после того как раны затянулись...

— Уехал юнцом, вернулся стариком, хризантема превратилась в подсолнух, — услужливо добавил Юха.

Гу Нань с невозмутимым видом прижал к кровати этого вульгарного хаски, после чего, чувствуя, как ноет всё тело, снова рухнул без сил.

Ли Лоунань, сидевший у стола и внимательно следивший за состоянием Гу Наня, встал, подхватил Юху за шкурку и выставил его за дверь.

Закончив с этим, Ли Лоунань подошел к кровати, сел рядом и протянул руку, чтобы размять поясницу Гу Наня:

— Вчера я был слишком ретив, как ты себя чувствуешь?

Гу Нань повернул голову и обессиленно сверкнул на него глазами.

— Не смотри на меня так, я не железный, — Ли Лоунань понизил голос, и в этом звучании было столько чувственности, что у Гу Наня перехватило дыхание.

Гу Нань промолчал. Ему очень хотелось сказать: «Может, перестанешь соблазнять меня своим голосом? Я тоже не железный».

У обоих в голове крутились весьма непристойные мысли, поэтому под конец массажа Гу Нань, покраснев, провалился в забытие.

Ли Лоунань бережно поднял его, тщательно обтер тело, глядя на спящее лицо с невероятной нежностью. Затем он откинул одеяло и крепко сжал правую руку Гу Наня.

Только так, чувствуя его в своей ладони, он мог по-настоящему ощутить счастье.

Дни летели незаметно, словно вода сквозь пальцы, и вскоре наступила зима.

Ли Лоунань укутал Гу Наня так, что тот стал похож на пушистый шар. Юха, хоть и был завернут всего лишь в один слой хлопковой ткани, из-за особенностей своего телосложения тоже напоминал круглый комочек.

Два шарика сидели у печки, чистили мандарины и искренне считали, что такая жизнь просто чудесна.

В дверях внезапно повеяло холодом. Ли Лоунань вошел в комнату, закрыл дверь и посмотрел на два шарика напротив. В его персиковых глазах играли блики, делая его облик ослепительно прекрасным.

— От мандаринов бывает жар, — Ли Лоунань сел рядом с Гу Нанем. — Немного съесть можно, но не увлекайся.

Гу Нань запихнул мандарин в рот и согласно закивал, мыча что-то в знак того, что понял.

Это вызвало у Ли Лоунаня беспомощно-любящую улыбку, теплую, как весеннее солнце. Гу Наню нравилось видеть такое выражение лица у Ли Лоунаня. Проглотив дольку, он придвинулся ближе и заискивающе улыбнулся:

— Ты такой красивый.

Ли Лоунань приподнял бровь и, наклонившись к самому уху Гу Наня, тихо спросил:

— Так я тебе нравлюсь больше сейчас или вчера вечером?

В голове Гу Наня мгновенно всплыл образ Ли Лоунаня прошлой ночью: прекрасное лицо, яркие глаза, изящные ключицы и капли пота, стекающие по ним...

...Черт возьми, как же это сексуально.

Гу Нань прикрыл нос рукой.

Ли Лоунань с улыбкой убрал со лба Гу Наня растрепавшиеся пряди и слегка коснулся его носа.

Кончик носа был холодным. Гу Нань наморщил его, собираясь что-то сказать, но внезапно почувствовал зуд в горле.

Он подался вперед и... громко закашлялся.

Передняя часть одежды Ли Лоунаня в мгновение ока окрасилась в темный цвет крови.

Красные шелковые полога свисали вдоль резных деревянных перил, в углу на подставке подрагивало пламя свечи, из курильницы струился тонкий дымок благовоний, смешиваясь с густым запахом лекарств, от которого клонило в сон.

Гу Нань повернул голову и посмотрел в окно — кругом лежал ослепительно белый снег.

Он отвел взгляд и посмотрел на хаски, лежащего рядом.

Хаски радостно вилял хвостом:

— Хозяин, почему ты молчишь?

Гу Нань одарил его холодным взглядом:

— Боюсь, как только открою рот, снова пойдет кровь.

Не успел он договорить, как в горле снова запершило, и перед глазами всё залило алым.

Гу Нань: «...»

Юха: «...»

Деревянная дверь внезапно распахнулась.

Холодный ветер ворвался в комнату, кружа снежинки и заставляя свечу метаться в агонии. В неровном свете в комнату вошел человек в фиолетовом, чьи глаза казались пугающе яркими в полумраке.

Ли Лоунань подошел к кровати, вложил в руки Гу Наня грелку, затем отодвинул Юху в сторону. Присев, он сразу заметил пятно крови на одеяле.

Его красивые брови нахмурились, а сияние в глазах заметно потускнело.

Гу Нань погладил его по руке, пытаясь успокоить:

— Всё хорошо, мне не больно.

Ли Лоунань поднял взгляд. В его черных глазах клубились тени, скрывая множество эмоций, словно в густом тумане. Он долго-долго смотрел на Гу Наня, а затем хрипло произнес:

— Зато мне больно.

Зато мне больно.

Всего четыре слова, но от них улыбка Гу Наня тут же увяла. Он смотрел на Ли Лоунаня, а тот — на него, и в глубине его глаз то вспыхивала, то исчезала невыразимая скорбь.

Такие взгляды стали обычным делом с того самого дня, как приглашенный Ли Лоунанем святой лекарь осмотрел Гу Наня.

Гу Двух Жизней.

Маточный гу — у Цин Яна, дочерний — у Гу Наня. С момента попадания в тело маточный гу начал медленно пожирать внутренности Цин Яна, а Гу Нань, хотя и не чувствовал физической боли, начал стремительно увядать.

Всё началось с того момента, когда Гу Наня заставили проглотить таблетку Цин Яна.

Гу Нань отвел взгляд от Ли Лоунаня и посмотрел на Юху:

— Сколько мне еще осталось?

— Около трех месяцев, — Юха пошевелил ушами. — Ты только сейчас решил спросить? Когда я сказал, что тебя отравили гу, ты даже не поинтересовался.

— ...

Юха прищурился:

— Твоей первой реакцией было: черт, я съел какую-то тварь! Ну и дурак же ты.

Гу Нань проигнорировал его и опустил глаза.

Три месяца, вздохнул он про себя. Значит, это всё, что он может дать Ли Лоунаню.

Его руку, лежавшую на коленях, внезапно накрыли другие ладони. Почувствовав тепло, Гу Нань поднял голову. Скорбь в глазах Ли Лоунаня исчезла, он слегка улыбнулся, и в его персиковых глазах заблестели слезы:

— Я найду Цин Яна.

Гу Наню очень хотелось сказать, что от того, что он его найдет, толку мало. Не говоря уже о том, что Цин Ян — сущий псих, даже если бы это было не так, сюжет всё равно развивался бы по накатанной.

Но он ничего не сказал, лишь сжал руку Ли Лоунаня в ответ и улыбнулся.

Оба молчали, в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием углей в печи.

Спустя долгое время Ли Лоунань встал, подбросил угля в печь, подошел к кровати, помог Гу Наню лечь и бережно подоткнул одеяло, глядя на него с мягкостью:

— Отдыхай, не думай ни о чем и... больше не заставляй меня грустить.

Гу Нань молча смотрел ему в глаза и, улыбнувшись, пообещал:

— Хорошо.

Ли Лоунань наклонился и коснулся его лба нежным поцелуем, после чего развернулся и вышел.

Как только дверь закрылась, вся нежность в его глазах мгновенно испарилась. Гнев и отчаяние слились в черную мглу, заполнившую его взгляд настолько густо, что становилось страшно.

Месяц спустя. Сильный снегопад, сугробы по колено, лютый мороз.

Тело Гу Наня окончательно сдало после этой зимы.

Он дрожал, сжавшись в комок под одеялом. В комнате горело пять печей, на нем было три одеяла, но он всё равно не мог согреться.

— Юха, кажется, я умираю.

Юха, лежавший поверх трех одеял в качестве четвертого слоя, посмотрел на бледное лицо Гу Наня, выглядывающее из-под ткани, и ответил:

— Твои ощущения тебя не обманывают.

Сказано это было бездушно, хотя его хвост, обычно вечно в движении, сейчас замер неподвижно.

Ли Лоунань вошел в комнату с лекарством и увидел, как человек и пес смотрят друг на друга с глубокой печалью.

Рука, державшая чашу, сжалась и тут же разжалась. Ли Лоунань через силу улыбнулся, подошел к кровати и мягко произнес:

— Гу Нань, пора пить лекарство.

Он поставил чашу на табурет и помог Гу Наню сесть. В тот момент, когда его руки коснулись плеч Гу Наня, улыбка на лице Ли Лоунаня едва не дрогнула. Еще месяц назад этот человек стоял перед ним, улыбался, его кожа была нежной и гладкой, а тело — упругим. А теперь остались лишь бледное лицо и исхудавший силуэт.

Его возлюбленный стремительно угасал, а он был бессилен.

Гу Нань прислонился к изголовью и, увидев покрасневшие глаза Ли Лоунаня, почувствовал, как сердце сжалось от боли. Он хотел что-то сказать, но Ли Лоунань уже взял себя в руки, подхватил чашу и сел рядом:

— Пей.

Его улыбка была теплой, словно над головой никогда не было туч.

Гу Нань послушно кивнул.

Чаша быстро опустела. Ли Лоунань отставил её в сторону и снова помог Гу Наню лечь:

— Ты в последнее время сильно похудел, должно быть, из-за холодов ослаб. Я приказал найти лучшие лекарства, ты... скоро поправишься.

Гу Нань кивнул. Ли Лоунань коснулся кончика его носа:

— Ешь хорошо, не вздумай выливать.

— Хорошо.

— Вот и молодец, — Ли Лоунань убрал руку. — Я велю принести еще две печи. Поспи немного, когда проснешься, я буду рядом.

— Хорошо.

Ли Лоунань больше ничего не сказал и вышел.

— Глубокая привязанность, — вздохнул Юха. — Сердце разрывается, а он всё равно улыбается, пытаюсь тебя утешить. Как же это больно.

— Надеюсь, в следующий раз ты дашь мне сюжет, который не будет таким душераздирающим, мне тоже больно, — пробормотал Гу Нань, зарываясь головой в одеяло.

Юха прилег рядом:

— Возможно, это первый мир для системы второстепенных персонажей. Знаешь, первый мир нужен для калибровки, со второго мира система стабилизируется, и миры станут более оформленными.

— Но это всё равно слишком жестоко.

— Согласен, — кивнул Юха. — Мучает твоё тело, мучает сердце Ли Лоунаня, а ещё мучает тело и душу Цин Яна.

Гу Нань поднял голову и посмотрел на хаски.

Хаски вильнул хвостом:

— Он любит тебя, а ты — нет, это мука для сердца. Из-за Гу Двух Жизней ты лишь слабеешь, а он вынужден терпеть боль от того, что гу пожирает его внутренности, это мука для тела.

— ... — Гу Нань снова спрятал голову. — Больше не говори об этом. У Цин Яна со мной больше не будет ничего общего.

— С чего бы это? — хмыкнул Юха. — Сейчас Цин Ян изнемогает от яда, а Ли Лоунань бросил все силы на его поиски. Думаешь, он сможет сбежать?

Гу Нань: «...»

Юха вильнул хвостом и с серьёзным видом подвел итог:

— Вот увидишь, буквально на днях Ли Лоунань схватит его и притащит сюда.

Помолчав, он добавил:

— Впрочем, толку от того, что его поймают, мало. Твою жизнь это не спасет, максимум — лекарствами продлят тебе жизнь на пару дней. Прими это, Хозяин.

Юха был крайне ненадежной, безответственной, язвительной и глуповатой системой, которая к тому же любила вешать лапшу на уши.

Но часто хаски говорил правду.

Всего через семь дней Ли Лоунань поймал Цин Яна и привез его обратно.

Когда пришла эта новость, Гу Нань спал. Открыв глаза, он увидел Ли Лоунаня, который сидел рядом, сжимая кулаки, с красными от ярости глазами:

— Цин Ян найден, Гу Нань.

Гу Нань опустил глаза.

Ли Лоунань все эти дни как безумный искал Цин Яна, но когда нашел, понял, что надежда, которую он лелеял всё это время, стала последней каплей, сломавшей хребет верблюду.

Пока он не нашел его, Ли Лоунань мог тешить себя мыслью: как только я найду Цин Яна, у моего возлюбленного появится шанс выжить.

Найдя его, он осознал, что человек, которого он хотел защитить ценой всего, действительно уходит.

Небывалое отчаяние.

— Он сказал, что как только Гу Двух Жизней активирован, его невозможно извлечь до самой смерти, — голос Ли Лоунаня охрип. Его глаза, которые так нравились Гу Наню, теперь были полны горя и боли. — Как он мог, как он мог?!

Ли Лоунань с силой сжал кулаки. Гу Нань опустил взгляд и увидел, как по его длинным пальцам потекли две струйки крови. Гу Нань протянул руки, разжал пальцы Ли Лоунаня и, пока тот пребывал в оцепенении, обнял его.

Это были всего лишь объятия — не широкие, не слишком теплые, но они помогли Ли Лоунаню успокоиться. Обняв Гу Наня в ответ, Ли Лоунань закрыл глаза и уткнулся лицом в его плечо:

— Ты мой.

Почувствовав влагу на плече, Гу Нань долго молчал, прежде чем прозвучал его хриплый голос:

— Да, я твой.

[Динь! Уровень симпатии объекта Ли Лоунаня +15, текущий уровень — 90 (Единственный возлюбленный)]

Впервые рост уровня симпатии заставил Гу Наня почувствовать горечь.

Они так и сидели в обнимку, не произнося ни слова.

Плечо становилось всё более влажным. Мысли Гу Наня путались. Он помнил их первую встречу: Ли Лоунань, щуря свои персиковые глаза, стоял на перилах второго этажа, выглядел прекрасно, но взгляд, брошенный в его сторону, был острым, как лезвие ножа.

Ли Лоунань всегда был властным. Гу Нань видел его разным: улыбающимся, насмешливым, недовольным... много-много раз, но никогда — таким отчаянно плачущим на его плече, как сегодня.

В чувство его привел внезапный сигнал системы.

[Динь! Условия сюжета выполнены, запущен основной сюжет: «Увидеться с Цин Яном в последний раз и разгадать загадку». Задание принято принудительно, отмена невозможна. Награда за выполнение — 5000 очков.]

Гу Нань стиснул зубы и произнес:

— Я хочу встретиться с Цин Яном, можно?

Услышав это, Ли Лоунань опустил взгляд на него. Их глаза встретились, и Гу Нань отчетливо увидел все эмоции в этих черных омуты: боль, горечь, печаль — всё это смешалось, как лед, скрытый под мягкой и теплой пеленой.

Долгое время спустя Гу Нань увидел, как Ли Лоунань слегка улыбнулся и ответил:

— Хорошо.

Свет был тусклым, в комнате стоял холод.

Ли Лоунань приказал поставить пять печей, прежде чем позволил Гу Наню войти.

В комнате стало тепло, но от этого запах крови стал еще гуще. Гу Нань почувствовал этот аромат и понял, что его болезнь снова дает о себе знать.

Так оно и вышло.

В итоге Ли Лоунань с каменным лицом вытер кровь с уголков рта Гу Наня, глядя на Цин Яна

еще более холодным взглядом.

Гу Нань отмахнулся и поплотнее запахнул плащ:

— Я в порядке.

Ли Лоунань просто снял свой плащ и накинул на плечи Гу Наня:

— У тебя есть время, пока горит одна палочка благовоний... Если что-то понадобится, зови.

Гу Нань улыбнулся:

— Хорошо.

Дверь закрылась, и в комнате остались только Гу Нань и Цин Ян. Гу Нань поднял голову: напротив, прикованный к стене, висел окровавленный человек, выглядевший совершенно разбитым.

Его лицо было в крови, но глаза оставались всё такими же прекрасными — чистыми, словно глазурь.

— Ты пришел, — Цин Ян поднял голову, его взгляд был ясным и светлым.

Гу Нань кивнул.

Цин Ян улыбнулся:

— Ты всё такой же красивый, а я... я уже конченный человек.

Гу Нань промолчал. Хотя он тоже страдал от яда гу, во-первых, он не испытывал боли, а во-вторых, Ли Лоунань так хорошо за ним ухаживал, что, если не смотреть на его тело под широкими одеждами, он оставался тем же юношей с прекрасными чертами лица.

Но с Цин Яном всё было иначе. Боль от того, что гу пожирал его внутренности, и долгие скитания оставили на нем неизгладимый след. Он больше не был тем утонченным Цин Яном, который так мило улыбался, и не был тем невозмутимым и статным Сяо Ци.

Как он сам и сказал, он был конченным человеком.

— Почему? — спросил Гу Нань.

— Да, почему же? — Цин Ян тихо рассмеялся. — В двенадцать лет меня внедрили в Павильон Ветра, Цветов, Снега и Луны, заставив притворяться слабым куртизаном. Оба раза, когда я

сбегал, я делал это намеренно, чтобы меня поймали и я мог играть роль жертвы. Моя цель была ясна: выждать, а потом убить Ли Лоунаня.

— Но я встретил тебя. С того самого момента, как увидел тебя, я понял... — Цин Ян откинул голову назад, прислонившись к стене, словно погружившись в воспоминания. — Я понял, что больше не буду одинок в этой жизни.

[Динь! Уровень симпатии объекта Цин Яна (Сяо Ци) +10, текущий уровень — 80 (Тот, кого он жаждет больше всего)]

Гу Нань промолчал.

Цин Яна это не задело:

— Жаль, что в итоге ты так и не захотел уйти со мной. Что ж, раз нам не суждено прожить эту жизнь вместе, умереть вместе — тоже неплохо.

[Динь! Основной сюжет «Увидеться с Цин Яном в последний раз и разгадать загадку» завершен. Награда — 5000 очков. Текущий баланс — 33166 очков.]

Услышав механический голос системы, Гу Нань опешил.

Задание выполнено? Но ведь загадка так и не была разгадана.

Впрочем... Гу Нань посмотрел на Цин Яна, который, откинув голову, выглядел таким уставшим, и вдруг понял, что многие вопросы уже не имеют смысла.

Гу Нань опустил взгляд на тлеющую палочку благовоний в углу.

Цин Ян проследил за его взглядом и спросил низким голосом:

— Ты уходишь?

Гу Нань ответил:

— Прощай.

— Боюсь, мы больше не увидимся, — Цин Ян закрыл глаза, а когда открыл их снова, в них была лишь ясность. — Я буду ждать тебя в Желтых Источниках, Гу Нань, господин Гу.

[Динь! Уровень симпатии объекта Цин Яна (Сяо Ци) +20, текущий уровень — 100 (Связанные жизнью и смертью)]

[Динь! Побочное задание «Поднять уровень симпатии Цин Яна до 100» выполнено. Награда — 3000 очков. Текущий баланс — 36166 очков.]

В душе всё смешалось.

<http://bllate.org/book/19824/1951825>